

Протянувшаяся по бамбуковому лесу тропа была озарена светом расположенных в шахматном порядке фонариков.

Их тусклое белое свечение через каждую пару шагов отражалось на зелёных зарослях бамбука. Солнце уже ушло ниже горизонта, и на небо карабкалась луна, освещая всё своим слабым светом.

Будь доброта видна невооружённым глазом, именно так она и должна была бы выглядеть.

Эта сцена представляла собой драматическое смешение совпадения и счастливого случая. Они так замечательно переплетались между собой, что иначе как добротой её и не назовёшь.

И подготовлена сцена была для одного человека – Тобе.

Чтобы добиться нужного результата, каждый немного соврал.

За появление здесь Эбины отвечала Юигахама. Не знаю уж, что за причину она для того придумала.

Оука с Ямато тоже честностью не отметились. Точнее, их намерения были не совсем чисты. Не поддержать друга они пришли, а повеселиться. Но пока, судя по кроткому выражению лиц, они себя сдерживали.

Миуры здесь не было. Она притворилась, что вообще не в курсе дела. Ничего не спрашивала, не пыталась нас остановить и попросту не обращала внимания.

Хаяма не мог бы поддержать друга, даже если хотел бы этого. Но всё равно пришёл.

Врали все.

Но в компанию лжецов затесался один человек, который не врал. Юкиносита тоже была с нами. С ещё более холодным, чем обычно, выражением лица.

Мы ждали Эбину, укрывшись в бамбуковых зарослях, поближе к тропе.

Хаято, Оука и Ямато заняли место, с которого могли помешать появиться здесь кому-либо постороннему. Тобе напряжённо дышал, не отрывая взгляд от конца тропы. В ожидании Эбины он совершенно оцепенел.

— Тобе, — позвал я его.

— Хи... Хикитани... Чё-то паршиво мне... Совсем разнервничался.

Он неловко улыбнулся.

— Слушай, а что ты будешь делать, если она тебе откажет?

— Ну знаешь, ляпать такое под руку – это жестоко. Ой, вроде полегчало... А, дошло, это ты опять меня проверял?

— Да без разницы, просто ответь. Эбина вот-вот появится.

Я хотел показать тоном, что посторонние разговоры мне неинтересны. Получилось неожиданно жёстко. Лицо Тобе застыло.

— ...Ну, наверно, сдамся.

Он не отрывал взгляд от тропы.

— Знаешь, я такой несерьёзный, да? Потому только и делаю, что тусуюсь с кем-то. Но на этот раз я серьёзней некуда.

Этих слов мне было более чем достаточно. Вот почему я сумел ответить ему тоном, который не пахивал ложью.

— ...Понятно. В таком случае борись до самого конца.

— О-о! Хикитани, я знал, что ты отличный парень!

— Не в том дело, болван.

Я увернулся от руки Тобе, вознамерившегося хлопнуть меня по спине, и вернулся на свою изначальную позицию. Здесь тропа поворачивала, так что Эбина не должна была нас заметить.

Юигахама с Юкиноситой повернулись ко мне.

— Хикки, а в тебе всё-таки есть что-то хорошее.

— Интересно, с чего бы это?

Они обе улыбались, явно поддразнивая меня.

— Отнюдь. И не в том дело. Боюсь, Тобе ждёт отлуп.

Девушки немного помрачнели.

— Может и так.

— Угу... Так...

Но у меня уже было наготове продолжение.

— Есть у меня мысль, как мирно всё разрешить.

— Как?

Юигахама вопросительно наклонила голову. Но мне и правда не хотелось об этом говорить. Юкиносита, должно быть, заметила мои колебания. Коротко вздохнула и чуть улыбнулась.

— ...Что ж, положимся на тебя.

Юигахама молча кивнула. Как же хорошо, что они не стали расспрашивать.

Тем временем на тропе появился силуэт Эбины.

Мы выпихнули Тобе из кустов.

Эбина проходила один фонарь за другим и наконец поравнялась с нами.

На лице Тобе было написано беспокойство.

— Э-э... — Промямлил он вместо приветствия.

— Угу... — Без энтузиазма ответила Эбина.

На них даже смотреть было больно.

Уже было ясно, что Тобе ничего не светит.

А потом, в классе, они начнут отводить взгляд друг от друга. Неестественно смеяться и мало-помалу возводить разделяющую их стену, стараясь поменьше общаться. Могут даже попробовать перевестись в другой класс. Но это ничего не изменит.

Но что, если при всей безнадёжности положения у будущего есть кое-что в запасе?

Осознаёт ли это Тобе? Понимает ли он в полной мере, что рискует потерять все нынешние свои отношения?

Скорее всего, он к такому готов.

Но это лишь одна сторона медали.

Не только Тобе печётся о своих нынешних отношениях.

Беспокоятся и другие из компании, в которую входят и он, и Эбина.

Вот почему она просила.

Вот почему он страдал.

Миура по сути просила лишь об одном. Она не хотела ничего терять. Может, они и думают о разном, но сохранить хотят одно и то же.

— Я, ну, это...

— ...

Эбина ничего не ответила. Она молча слушала Тобе, скрестив руки. От неё явственно веяло холодом.

Да, именно этого я и ожидал.

Если я хочу что-нибудь сделать, у меня есть только один путь.

Мне надо добиться, чтобы Эбина отказала Тобе не напрямую. Так отношения в их компании не испортятся и они все останутся друзьями.

В таком случае вариант у меня только один.

Главное – выбрать момент. И удар будет впечатляющ.

Надо нанести его из слепой зоны. Сделать нечто, что перевернёт ситуацию с ног на голову. Придумать что-то, что полностью захватит их внимание. Что перехватит инициативу и мгновенно изменит атмосферу.

Блин, самому противно, что в голову приходит лишь такой грязный приём. Не говоря уже о том, что научился ему я у Заимокузы. И одна мысль, что я буду чем-то обязан этому типу, приводит меня в бешенство.

— Ну, это, понимаешь, я...

Кажется, Тобе решился.

Всё пришло в движение.

Плечи Эбины вздрогнули.

Ещё десяток шагов.

Тобе запнулся, глядя на Эбину.

Получится ли вовремя?

Эбина опустила взгляд на фонарик под ногами.

Пора.

— Ты давно уже мне нравишься. Давай встречаться.

Услышав это, Эбина изумлённо подняла глаза.

Вполне естественная реакция. Даже я удивился.

И даже Тобе.

Он был ошеломлён. Потому что слова, которые намеревался сказать он, прозвучали из моих уст.

Моё неожиданное признание озадачило Эбину, но в конце концов она дала верный ответ.

— Извини. Сейчас я не хочу вообще ни с кем встречаться. Кто бы мне ни признался, я ему откажу. Если это всё, я пойду.

Тобе застыл с открытым ртом, не в силах сдвинуться с места. Даже вымолвить ничего не мог, будучи совершенно сбит с толку. Услышанное повергло его в шок. Но голова его медленно, сантиметр за сантиметром, поворачивалась ко мне.

— Ты её слышал.

Я пожал плечами. Тобе откинул волосы и с ревностью посмотрел на меня.

— Хикитани... Так же нельзя... Я имею в виду, она меня не отшила, но...

Он всё повторял «так нельзя», словно попугай, которого только этим словам и научили.

Располагавшийся неподалёку Хаяма всё прекрасно видел. Он подошёл к Тобе и ткнул его в голову.

— Это всего лишь значит, что время ещё не пришло. Радуйся пока тому, что имеешь сейчас.

— Пожалуй... Стоп, ты сказал «время ещё не пришло»?

Тобе вздохнул.

А затем развернулся ко мне и слегка ткнул в грудь кулаком.

— Хикитани, прости, но я не сдамся.

Он обаятельно улыбнулся и пошёл прочь, явно чем-то довольный. Его ждали стоящие плечом к плечу Оука и Ямато. Они похлопали Тобе по спине, словно поздравляя с боевым крещением.

Хаяма последовал за ним.

И, проходя мимо меня, прошептал так тихо, что расслышал его только я.

— Прости.

— Не надо извиняться.

— Я прекрасно понимаю, что только так ты мог что-то сделать... Прости.

На его лице читалась жалость. Не злорадство, не насмешка. Жалость и симпатия.

Меня охватили такие стыд и гнев, что пришлось напрячься, чтобы сдержаться и не ударить его.

Хаяма ушёл, но это его лицо по-прежнему стояло у меня перед глазами.

Как только все парни покинули место действия, я ощутил, что витавшее в воздухе напряжение испарилось.

На тропе остались лишь Юкиносита, Юигахама и я.

Мы стояли не так далеко друг от друга. Теперь всё закончилось, и на меня накатила волна облегчения. Я направился к девушкам, жажда вернуться в гостиницу.

Но Юкиносита словно приросла к земле. Она молчала и смотрела на меня.

Смотрела с вопросом. И так холодно, что у меня начали подкашиваться ноги. Слушай, хватит надо мной издеваться. От Хаямы и остальных мне и так уже выше крыши досталось.

Но рассказать об этом я никак не мог.

Холод из взгляда Юкиноситы не уходил ни на мгновение. Стоящая рядом с ней Юигахама опустила голову, не зная, что делать.

Только когда я подошёл к ним, Юкиносита заговорила.

— ...Ненавижу твои методы.

Она скрестила руки на груди, по-прежнему глядя на меня.

Её взгляд горел непонятно на что направленным гневом.

— Не могу объяснить почему, и это здорово раздражает, но... Я действительно ненавижу твои методы.

— Юкинон...

Юигахама подняла глаза на Юкиноситу. Потом словно проглотила что-то и снова уткнулась взглядом в землю.

Я стоял и молчал. Юкиносита пыталась сказать что-то ещё, словно я так возражал ей, но не находила нужных слов. Она плотно стиснула губы, словно прикусив их.

На ветру танцевали красные листья. Юкиносита отвела от меня взгляд, словно следуя за ними.

— ...Я пойду.

Холодно сказала она и развернулась. А потом пошла таким быстрым шагом, словно стремилась покинуть это место как можно быстрее.

Мы остались вдвоём. Юигахама тихо засмеялась.

— М-может тоже пойдём?

Она пыталась сказать это по-обычному энергично, но тщетно. И осознание этого мне сильно помогло.

— ...Конечно.

Ответил я, трогаясь с места. Юигахама двинулась следом, но медленнее. И, стараясь разрушить повисшую тишину, попробовала поддержать разговор.

— Ну да, я тоже думаю, что это было не здорово. Я имею в виду, ты и меня ошарашил, и Эбина не знала, что сказать.

— Угу.

— Но я правда удивилась. На секунду мне даже показалось, что ты всерьёз это сказал.

— Ага, щаз.

— Да знаю я. Ха-ха-ха...

Мы подошли к выходу с тропы. Звук шагов Юигахамы затих.

— Но.

Её голос так неожиданно оборвался, что я невольно замер. Почувствовал, что меня тянут за рукав, и рефлекторно обернулся.

— Но знаешь... не делай так никогда больше.

Не надо так улыбаться. Твоя улыбка выглядит так мучительно и душераздирающе, что я просто не могу на неё смотреть. Я поспешно отвёл взгляд.

Жалость. Гнев. И такая вот улыбка. Я всё выдержал.

— Это был самый эффективный способ. Вот и всё.

Только и сказал я. Я мог бы логично всё объяснить. Уверен даже, что мог бы сказать множество красивых слов, оправдывая свои действия. Но все эти слова распадались, не в силах прозвучать.

— Дело не в эффективности.

Юигахама не поднимала головы, но я очень чётко слышал её голос.

— Были люди, которые хотели, чтобы проблема разрешилась. Были и те, кто хотел, чтобы всё оставалось как раньше. Всем угодить невозможно. А значит, нужен был компромисс.

Мои слова заставили меня окончательно всё осознать. Это просто софистика. Отговорка за всё мной сделанное перед кем-то несуществующим. Липовые доводы. То, что я ненавижу больше всего на свете. Обман.

Но Юигахаме этого не понять.

Я услышал что-то, сильно смахивающее на всхлипывания.

— Тобеччи не получил отлуп и может как обычно тусоваться с Хаямой и остальными. И о Хине ему беспокоиться не надо будет... С завтрашнего дня всё снова будет как всегда. Может даже им и без перемен хорошо.

Её дрожащий голос не давал мне возразить. Подрагивающие пальцы не позволяли двигаться.

И взглянуть ей прямо в лицо я не мог. Мог лишь стоять и молчать.

— Н-но знаешь...

Её рука соскользнула с моего рукава. Но тут же ухватилась снова, уже сильнее.

— Тебе надо больше задумываться, что чувствуют другие...

Юигахама прервалась. Слышно было лишь её лёгкое дыхание.

— ...Почему ты понимаешь всё, кроме этого?

Да понимаю я. Если что-то изменилось, прежним оно уже не станет.

Как бы всё ни повернулось, обратно оно не вернётся. Гарантирую.

Но рукав, за который держалась Юигахама, почему-то был страшно тяжёлым.

Она почти не прикладывала сил, но казалось, что на плечах лежит ужасная тяжесть. Чуть расслаблюсь, и меня сотрёт в порошок.

— Мне такое не нравится.

Пробормотала Юигахама тонким, детским голосом и отпустила меня.

Сделала шаг, потом другой, отдаваясь всё больше и больше.

Но идти за ней было невыносимо.

Для меня.

Я поднял взгляд к небу.

Голубовато-белый свет, освещающий бамбуковый лес за моей спиной, словно застыл во времени.

Луны больше не было видно.

× × ×

С крыши вокзала был виден весь Киото.

Современные здания, храмы, буддистские монастыри и всё прочее. Между зданиями мельтешили люди.

Может, сам город и не менялся уже много лет, но этот вид меняется постоянно.

Прославленный вечный императорский дворец тоже меняется. Но лежащий передо мной город любим за то, что его основа неизменна. Его ядро, не вырождаясь и не рассыпаясь, остаётся всё таким же крепким. Именно за это люди и ценят город.

Иначе говоря, как бы ни изменился этот город, он так и останется неизменным.

А значит, человеческая натура тоже не меняется. Люди не могут измениться. Это вековая истина.

Но бывает, что не меняться – это правильное решение. Во всяком случае, хотелось бы в это верить.

Подходил к концу последний день нашей школьной поездки.

До экспресса оставалось ещё немного времени. Я ждал кое-кого в магазине сувениров, не обращая внимания на сами сувениры.

Человека, не поленившегося забраться сюда по такой длинной лестнице. Персону, шепнувшую мне пару слов в автобусе, когда мы ехали на вокзал.

— Хелло-хелло. Заставила тебя ждать?

Я повернулся на голос.

Чёрные волосы до плеч и очки в красной оправе. Небольшие глаза за линзами очков и маленькая стройная фигура. За библиотечной стойкой она смотрелась бы великолепно.

Это была девушка, приходившая к нам с просьбой. Хина Эбина.

— Я подумала, что должна сказать тебе спасибо.

— Не должна. Твою просьбу мы так и не выполнили.

Быстро ответил я, снова переводя взгляд на панораму Киото. Но слышать её голос, конечно же, не перестал.

— С виду так. Но главное они поняли, верно?

— ...

В ответ я промолчал.

Эбина казалась мне какой-то неправильной.

Потому что, несмотря на её демонстративное веселье, я по привычке ищу скрытый подтекст её слов. Скромные с виду девушки, способные спокойно заговорить с кем угодно, даже со мной, мгновенно заставляли меня насторожиться. Потому что опыт общения с такими девчонками в средней школе перерос в привычку всегда искать скрытый смысл в их словах.

Вот почему я просто не могу не чувствовать беспокойство рядом с этой девицей, выставяющей себя яойщицей. Если она хочет помощи, я должен разобраться в её мотивах.

Просьба помочь парням лучше ладить друг с другом по сути выражала её желание держаться немного поодаль от них. Более того, она хотела так отвертеться от признания Тобе, чтобы это не вызвало далеко идущих последствий.

И похоже, хотела этого не только она. Хаяма по сути просил о том же.

Вот почему он так переживал и вот почему он ничего не мог сделать.

— Спасибо. Ты в самом деле мне здорово помог.

Я повернулся на её бодрый голос. Эбина облегчённо улыбалась. Ну, если ты можешь так улыбаться, ты и на многое другое способна. Так я подумал, и с моих губ сорвались слова, которым лучше было бы оставаться произнесёнными.

— ...Может, Тобе и бесполезный тип, но он хороший парень.

— Нет, нет. Хикитани, ты ведь понимаешь, да? Ну, что такая, как сейчас, я ни с кем не смогу нормально встречаться.

— Это...

— Это правда.

Она не дала мне ничего сказать в ответ.

— Я же испорченная.

Эти слова, сопровождаемые холодной улыбкой, прозвучали как оправдание.

— ...Думаю, ничего не попишешь.

— Вот именно. Меня никто не сможет понять, да и сама я этого не хочу. Вот почему я ни с кем не смогу нормально встречаться.

Это она о своём хобби или о себе самой? Впрочем, не так уж и важно.

Мы слегка улыбнулись друг другу, и Эбина аккуратно поправила очки. Выражение её глаз, скрытых отблёскивающими линзами, оставалось для меня загадкой.

Она шумно выдохнула и подняла голову. Щёки слегка покраснели, губы сложились в обычную яркую улыбку.

— Будь это ты, Хикитани, у нас могло бы и получиться.

— Не надо так шутить. А то я в самом деле могу в тебя влюбиться.

Со стороны это наверно прозвучало как дурацкая шутка. Плечи Эбины затряслись от смеха.

— Мне нравятся люди вроде тебя, которые ничего такого не думают и могут честно высказываться.

— Какое совпадение. Мне тоже эта моя черта нравится.

— И мне. А ещё нравится моя безжалостная способность начистоту выкладывать всё, что захочется.

Мы обменялись слабыми улыбками.

— Понимаешь, мне в самом деле нравится, какая я сейчас. И нравится моё окружение. Мне давно не было так хорошо, и я подумала, что обидно было бы это потерять. Правда, и я такая себе нравлюсь, и люди, которые со мной рядом.

Она повернулась и пошла к лестнице, устремив взгляд куда-то вдаль. Не знаю, что у неё сейчас

перед глазами, но уверен, совсем не то, что перед ней.

Опустив потом взгляд на пол и спустившись уже на пару ступенек, она бросила ещё несколько слов.

— Вот потому я себя и ненавижу.

Я смотрел, как она всё дальше и дальше уходит от меня.

Пытался придумать, что можно сказать в ответ, но ничего не приходило в голову.

Когда ты привираешь, что у тебя всё хорошо, ты не хвастаешься и не ругаешь себя.

Потому что это для тебя важно. Потому что ты не хочешь это потерять.

Ты пытаешься скрывать и притворяться.

Но именно потому в итоге и теряешь.

А потеряв, будешь рыдать над потерей. Если заранее знаешь, что потеряешь, лучше вообще с этим не связываться. Если потеря чего-то принесёт тебе смертельные муки, лучше сразу это отбросить.

Наверно, в нашем изменчивом мире есть отношения, основанные на желании измениться. Как есть и то, что однажды будучи сломанным, остаётся таким навсегда.

Вот почему все врут.

...А самый большой лжец – это я.

<http://tl.rulate.ru/book/71927/3531497>